

Сегодня Виктору Сергеевичу Розову исполняется 80 лет. Возраст, конечно, солидный. Но и сам новорожденный, и мы, его давнишние почитатели, не намерены подводить итоги. Что сделано, то сделано. Кто сможет, пусть сделает лучше. Виктор Сергеевич не скрывает, что он чужд фаустовского комплекса и потому не желал бы сейчас все начать сначала. Но вот узнать, что будет завтра, ужасно хотелось бы. Ведь Розов не только заботливый отец, но и трогательный дедушка. А какой же дедушка не печется о счастье своих внуков?!

...Юноша из Костромы мечтал стать актером. Выдержал конкурс в Студию московского Театра Революции. Хорошо учился, успел сыграть дипломные спектакли и даже был принят в труппу знаменитого театра. Но началась война. Розов попал на фронт и в первые же дни оказался тяжело ранен. Хорошо еще, что остался жив. Однако надо было думать о новой профессии: после такого ранения актеру трудно вернуться на сцену. И, лежа в госпитале, он стал писать пьесы. В конце сороковых годов Центральный детский театр поставил пьесу «Ее друзья». Было бы несправедливо сказать, что дебют принес начинающему автору особое признание. Напротив, большинство критиков — и не без оснований — упрекали драматурга в излишней мелодраматичности. Позже там же, в ЦДТ, состоится премьера новой пьесы Розова «Страница жизни». Сам Алексей Дикий напишет об этой работе похвальный отзыв в «Известиях». И, наконец, в 1954 году, как гром

среди ясного неба, прозвучал «В добрый час!». На спектакль повалила вся Москва. Это потом, в 1956 году будущий «Современник» откроется ранней пьесой Розова «Вечно живые». Затем появится вереница розовских пьес: «В поисках радости», «Перед ужином», «В дороге», «Неравный бой», «В день свадьбы», «Затейник», «Традиционный сбор», «С вечера до полудня», «Ситуация»... Они обойдут почти все сцены страны и будут поставлены далеко за ее пределами. Но при этом наивно думать, будто путь юбиляра был усыпан розами. Почти каждая его пьеса пробивалась на сцену с огромным трудом, через множество цензурных преград, благодаря настойчивости Эфроса, Ефремова, Товстоногова, Завадского, Плучека...

Иные из нынешних ретивых ниспровергателей, родившиеся в эпоху перехода от тоталитаризма к вседозволенности, полагают, что было куда как просто Андрею Аверину сказать: «Ну разве это самое важное, кем я буду? Каким буду — вот главное!» Или Олегу Савину схватить со стены отцовскую саблю и порубить чешский гарнитур. Не говоря уже о «Гнезде глухаря» или «Кабанчике». Ведь мы жили и, к сожалению, продолжаем жить в перевернутом мире, где высшей добродетелью почитается способность к мимикрии, а вовсе не стремление к самостоятельности суждений. Розов не был колоколом общественного мнения, эти функции исполняли другие. Но на протяжении многих лет он безусловно оставался совестью своего времени.

Культура. — 1993. — № 12. — С. 12.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ РОЗОВ

Мы познакомились в середине 50-х годов. Я устраивал передачу на телевидении о Школе-студии МХАТ, и ее ректор Вениамин Захарович Радомысленский порекомендовал пригласить Розова с тем, чтобы он представил зрителям Леонида Харитонову, исполнителя роли Андрея Аверина в фильме «В добрый час!». Виктор Сергеевич назначил час нашей встречи и объяснил, как его найти. Жил он тогда в Зачатьевском монастыре, превращенном в коммуналку. Звоню, дверь открывает любезный хозяин, помогает снять пальто и приглашает проследовать за ним. Идем по длинному полутемному коридору, заставленному вещами, завешанному корытами и тазами. Входим в крошечную узкую комнату, где стоят небольшой стол, три стула, шкаф и диван. Начинаем беседовать, вдруг Розов просит прощения и куда-то срочно удаляется.

Оказывается, мы сидим у соседки, в комнате, которую Виктор Сергеевич снимает в дневные часы для работы. А живет рядом, в таком же пенальчике за перегородкой, где после обеда спит его малыш.

В те годы почти все мои знакомые да и я сам жили в коммунальных квартирах. Но то были обыкновенные люди. Розов — известный драматург. В моей голове никак не укладывалось, как же в подобных

условиях можно сочинять пьесы?

Телефонный звонок. Снимаю трубку.

— Боря, это Розов говорит. Вы больны? То-то я не видел вас на «Сталеварах».

— Ну что, это действительно так здорово, как об этом говорят?

На том конце провода — длинная пауза.

— Я с этим согласиться не могу...

— Так это очень плохо?

— Видите ли, по-моему, так сказать тоже нельзя. Дело в том, что после такого спектакля нужно с авить «Зеленую улицу» или в крайнем случае «Залп «Авроры»...

Так уж вышло, что три московских театра в один сезон поставили «Три сестры». Сперва я увидел спектакль на Таганке, у Любимова. Затем у Эфроса, на М. Бронной (то была уже вторая его постановка этой пьесы). И, наконец, где-то под занавес сезона — в «Современнике». Перед началом представления гостей встречает хозяйка театра Галина Волчек.

— Ой, господи, дорогие вы мои! Зачем же вы пришли сегодня? Этот спектакль я ставила для молодежи, он вам не понравится.

— Ну что уж нас так старить? Мы еще того! — шутит Розов.

Спектакль окончен. Направ-

ляемся к выходу, а навстречу — Волчек:

— Ну что, я была права? — очаровательно улыбаясь, спрашивает Галина.

— Вот и нет, — тут же отвечает Розов, отчего я лишаюсь дара речи: вот фарисей! — С большим интересом посмотрел спектакль и должен сказать, что вы все трое — молодцы! Суворин еще сто лет назад сказал, что Чехов — великий новеллист, но в драматургии он заурядный графоман. Потом Станиславский с Немировичем на долгие годы заморочили всем голову, а вы маленько поднапряглись и вышло, что действительно Суворин был прав. Так что примите мое почтение!..

Несколько лет назад в нашей стране впервые развернулась предвыборная борьба: шесть кандидатов претендовали на пост Президента России. Как-то включую телевизор и слышу, что Виктор Сергеевич на вопрос, за кого он будет голосовать, без всяких колебаний отвечает: «Конечно, за Жириновского! А как же — он самый подходящий кандидат!»

Когда ушел из жизни Эфрос, Розов был едва ли не единственный, кто не просто оплакивал эту невосполнимую потерю, но спрогнозировал всю дальнейшую ситуацию на Таганке, когда о ней никто еще и не догадывался. Многие тогда говорили: «Ну какой смысл теперь об этом писать?» Но в

том-то и дело, что Розов часто поступает так, как он считает нужным, независимо от того, кому это может понравиться или не понравиться. При этом он не так уж простодушен, как иногда может показаться со стороны.

В начале 60-х годов я присутствовал в Харькове на сдаче спектакля «В день свадьбы» в Театре имени Т. Г. Шевченко. В ту пору пьесы Розова вообще не рекомендовались. К тому же, с точки зрения Министрства культуры УССР, у режиссера-дипломника Леся Танюка была весьма сомнительная репутация. И все-таки спектакль оказался так хорош, что его, скрепя сердце, вынуждены были принять.

Вернувшись в Москву, спешу порадовать автора и уговорить его съездить на премьеру в Харьков. Слушает заинтересованно и вдруг говорит:

— Знаете что: давайте затем с вами интригу. Я сейчас позвоню Шах-Азизову (тогдашнему директору ЦДТ) и расскажу, что до меня дошли ошеломительные слухи из Харькова. Надо, чтобы «Шах» как-то узнал, что вы видели Танюка, тогда он сам вам позвонит...

Через неделю Леся Танюк приступил в ЦДТ к репетициям пьесы Семена Лунгина и Ильи Нусинова «Гусиное перо», а следом за этим поставил здесь же один из лучших своих спек-

таклей «Сказки Пушкина», которые до сих пор сохраняются в репертуаре.

Розов — человек скромный. Помню, как на другой день после премьеры «В добрый час!» в «Литературной газете» появилась ода Николая Погодина. Случайно присутствую в лифте ВТО при диалоге известного в свое время драматурга В. Любимовой с Розовым: «Ну что же, Виктор Сергеевич, уж не знаю, поздравлять вас с такой статьей или соболезновать? Теперь надо как минимум «Гамлета» сочинить. А это уже сделал до вас Шекспир».

Другой бы обиделся, а Розов просто смутился: «Ну что вы, Валентина Александровна, это Николай Федорович просто по доброте своей сделал, я-то знаю, что пьеса таких слов не стоит. И это была не поза, такой уж он человек.

Его можно любить или не любить. Соглашаться или не соглашаться с ним. Но в любом случае надо помнить, что Розов — человек непредсказуемый. И в жизни, и в искусстве. И таким его надо воспринимать, памятуя о том, что в течение полувека он, в надежде быть услышанным, стремится пробуждать в нас чувства добрые и высокие.

Борис ПОЮРОВСКИЙ.

Фото Н. Самойлова.